

Михаил Арцыбашев

О ревности

Михаил Петрович Арцыбашев

О ревности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2849055

О ревности: 1912

Аннотация

«Горсть игрушечных домиков и рой бриллиантовых огоньков рассыпались по берегу, а кругом стояли недостижимые торжественные горы, и лунный свет высоко и воздушно чеканил их крутые склоны в темно-синем далеком небе. Луна, белая и круглая, висела над морем, и море все переливалось, играя серебряной рябью. Было таинственно и торжественно, и одинокие крупные звезды тихо горели над вершинами гор.

Все это казалось удивительным, как сон, после той суматохи, криков и беготни, которые полчаса тому назад так неожиданно разразились в парке...»

Содержание

I	4
II	12
III	15
IV	19
V	27

Михаил Петрович Арцыбашев О ревности

I

Горсть игрушечных домиков и рой бриллиантовых огоньков рассыпались по берегу, а кругом стояли недосыгаемые торжественные горы, и лунный свет высоко и воздушно чеканил их крутые склоны в темно-синем далеком небе. Луна, белая и круглая, висела над морем, и море все переливалось, играя серебряной рябью. Было таинственно и торжественно, и одинокие крупные звезды тихо горели над вершинами гор.

Все это казалось удивительным, как сон, после той суматохи, криков и беготни, которые полчаса тому назад так неожиданно разразились в парке.

Только что совершилось бесцельное и жестокое убийство: погибла молодая и прекрасная жизнь; только что мы метались как угорелые, вопили, возмущались, ужасались, звали на помощь; только что видели искаженное предсмертной мукой, потерявшее все человеческое, лицо убитой и белое, как бумага, с совершенно безумными глазами и трясущейся нижней челюстью лицо убийцы, которого держали за руки и

били чем попало изящные господа и нарядные дамы, озверевшие при виде крови.

Я сам видел, как одна дама, в сбившейся набок шляпе и с круглыми зрачками, два раза ударила его по голове зонтиком...

Как все это было неожиданно и отвратительно.

И уже как будто ничего и не было: луна спокойно стережет морской простор, на серебряной мерцающей ряби сонно покачиваются черные силуэты рыбацких баркасов, лунный свет ложится на вершины далеких гор, стройно чернеют таинственные кипарисы, доносится красивая тихая музыка из городского сада.

Только в ресторане, раскинувшем свои белые столики под ночным небом, среди кустов цветущей глицинии и темных кипарисов, еще мелькают возбужденные лица, слышатся взволнованные голоса, вопросы и ответы. За всеми столиками рассказывали подробности дамы, и невидевшие темными от любопытства глазами смотрели в рот очевидцам, которые, казалось, с удовольствием переживали еще ужас случившегося. Всем было жаль молодую прекрасную женщину, павшую от руки безумного ревнивца, все вспоминали, как она была красива, молода и изящна. Никто не произносил имени убийцы, все прямо говорили «он», и в этом одновременно чувствовалось и презрение и удивление, как будто это уже не был обыкновенный человек, а что-то особенное, никому не понятное.

Мне случилось одному из первых прибежать на место убийства, и я даже помогал перенести убитую на извозчика. Поэтому у меня до сих пор еще дрожали руки и ноги, а перед глазами стояло мертвое и страшное и жалкое лицо, кровь, бессильно упавшие тонкие руки. Я положил рядом с нею на сиденье извозчика ее большую легкую шляпу с примятыми, переломанными цветами, и мне все казалось, что между ней, красивой, изящной живой женщиной, и сломанной красной розой, бумажной мертвой розой, есть что-то общее.

В ресторане я подсел к знакомому, очень известному и уже немолодому беллетристу, и спросил себе воды.

Пока я, волнуясь и захлебываясь, рассказывал ему всю эту страшную и печальную историю, он пил красивое вино и смотрел на меня нахмурившись, точно ему было неприятно что-то в моем волнении.

Это был неприятный человек; мне всегда казалось, что он спорит только для того, чтобы спорить, что, стараясь всегда и во всем быть оригинальным, он не соглашается с самыми очевидными вещами, с самыми несомненными чувствами. Я ему не верил, не верил его скептицизму, его спокойствию, его взглядам...

И, вероятно, именно поэтому всегда первый начинал спор, подымая самые банальные и битые вопросы, как будто хотел испытать его. И почти всегда оказывалось, что и с самым, казалось бы, ясным и простым он не согласен и имеет свою точку зрения, почти всегда парадоксальную. Иногда,

впрочем, я неожиданно чувствовал в парадоксе несокрушимую логику и должен был соглашаться с ним.

На этот раз я стал говорить об убийствах из ревности, всю нелепость которых, казалось мне, нельзя было отрицать.

– Я не понимаю... Ну, разлюбила и разлюбила... Каким надо быть диким, тупым животным, чтобы мстить женщине за то, что она уже не любит тебя... Это такой пережиток варварства, за который я бы вешал, как бешеных собак. Черт его знает, сойдется с женщиной вот такой современный Отелло и уже, думает, что рабу себе нашел. Осчастливил, изволите ли видеть!.. Век должна чувствовать и благодарить. Замечательно, что такому господину никогда в голову не придет, что если женщина его разлюбила, так он сам виноват в этом. Куда. Мы так уверены в своих достоинствах, что этого нам и в голову прийти не может... Нет, просто она развратная тварь, и больше ничего... Любопытно, что, когда женщина отдается именно ему, это отнюдь не служит показателем ее развращенности, а напротив даже!.. Хотя бы она и принадлежала уже раньше кому-нибудь и хотя бы прежний обладатель очень страдал от ее измены. Нет, в современной беллетристике женщина, разочаровавшаяся в муже, который, конечно, всегда пошляк, храпит во сне, играет в винт и потеет, именно тогда и становится благородной героиней, когда бросит мужа и уйдет с «ним», который, конечно, всегда прямой контраст мужу... должно быть, совсем не спит, не играет даже в дурачки, и Боже сохрани от пота и отрыжки... В

книгах мы очень любим это посрамление первого мужа и сочувствуем всей душой женщине, у которой раскрылись глаза на истинный смысл ее супруга... Но чуть дело коснется нас самих, не в книге, а в жизни... Тпру. Нам в голову не придет вспомнить, не храпим ли мы во сне, не слишком ли усердно играем в карты, не отстали ли мы от жизни, не поглупели ли. Мы прямо и безапелляционно решаем, что она развратная тварь, чувствуем себя несчастной жертвой и либо палим в нее из револьвера, либо предаем горделивому презрению... Странное дело, кажется, это так просто; мы все презираем голую животную связь, без чувства и уважения, мы ищем любви... казалось бы, женщина только до тех пор и должна быть нам дорога, пока она нас любит, а разлюбила, так на что же она нам?.. Для спанья, извините за выражение?.. Так для этого и проститутки существуют... Разлюбила и уходи... Только и всего... Нет, извольте видеть, ревность обуревает!.. Как? Она разлюбила меня и полюбила другого?.. Если бы разлюбившая женщина немедленно удалялась в монастырь на вечное безбрачие, никаких бы и преступлений не было и Отелло очень легко примирился бы с отсутствием «любимой» женщины. Нет, тут вся загвоздка в том, что другой будет обладать тем, что мы по праву считаем принадлежащим только себе!.. Ревность!.. Что такое ревность?

– Шекспир сказал, что ревность – это чудовище с зелеными глазами, – заметил мой собеседник, слегка прищуриваясь.

– Ну, – невольно сказал я самым недовольным тоном, хотя когда-то прочел это определение даже с удовольствием.

– Вы все возмущаетесь, – сказал он задумчиво и совсем без обычного тона сарказма.

– А вы не возмущаетесь? Он пожал плечами.

– Нет, что ж... Я отношусь к таким историям, как к землетрясению, гладу и моровой язве... Ужасно жалко, отвратительно, но... ничего тут не поделаешь... Для того, чтобы возмущаться или восхищаться чем-нибудь, надо, по крайней мере, знать, чем возмущаться и восхищаться. В данном случае убийство из ревности... А что такое в самом деле ревность?..

– Что бы там ни было, – горячо сказал я, – но нельзя же убивать!.. За что оборвана молодая, такая красивая жизнь... для чего?..

– Для чего, это вопрос праздный... ни для чего. Это просто результат первого вопроса, когда надо убить и стоит убить. Вы этого отрицать не будете?.. Разбойника, который режет ребенка, надо убить, если ничего другого сделать с ним нельзя в ту минуту.

– Ну, это пример неподходящий!

– Почему знать... Для того, чтобы ответить на это, надо знать опять-таки, что такое ревность?.. Надо знать, какими путями она возбуждена и что переживает человек. Может быть, он переживал больше ужаса и отвращения, чем вы при виде разбойника, режущего младенца!..

Мы помолчали.

– Вот, – опять заговорил он, – Шекспир... чудовище с зелеными глазами!.. Конечно, ревность – чудовище и крокодил – чудовище, но, по правде сказать, меня мало это утешает... Образ, конечно, не из последних, хотя относительно цвета глаз можно еще поспорить... Одна барыня настаивала, что глаза у ревности желтые, а мне кажется, что красные, как кровь... Но это сущие пустяки, а определение-то каково!..

Я увидел, что он впал опять в свой обычный гаерский тон, и досадливо поморщился.

– Вы не хотите говорить серьезно, так лучше оставим этот разговор!

Он посмотрел на меня с тихой и довольно грустной улыбкой.

– Нет, если хотите, я буду говорить и серьезно... Мне просто стало забавно: чуть-ли не с начала веков люди мучатся, и мучат, и убивают друг друга из ревности... более тонкого и острого мучения не изобретал ни один инквизитор, а никто до сих еще пор не понял, в чем же дело? А тут приходит знаменитый писатель и очень просто: ревность – это таракан... И очень многие одобрили!.. Даже цитировали это зеленоглазое чудовище неоднократно. Я помню, один известнейший критик мне самому колот глаза этим определением: вы, мол, плоский реалист, а тут – бездна!.. Но Бог с ним, с Шекспиром!.. Я его только потому и вспомнил, что во всей мировой литературе не только иного определения ревности

нет, но даже и типа ревнивца не имеется...

– А Отелло?..

– Я так и знал, что вы его вспомните... Я знаю, что многие так же возопиют: а Отелло?.. Благородный мавр венецианский?.. У нас ведь этот бедный Отелло на языке и в мозгу и даже в нарицательное обратился... Легкомысленные дамочки и легкомысленным дамочкам так прямо и говорят:

– Мой Отелло!.. А ваш Отелло?..

Даром, что этот Отелло – чиновник с геморроем и не то что Дездемону – мухи обидеть не в состоянии... Миллионы людей читали Шекспира, и только один Пушкин обмолвился: «Отелло не ревнив, он доверчив».

Сотни тысяч прочли Пушкина, и только один Достоевский вспомнил и подчеркнул эту обмолвку. Тысячи читали Достоевского, сотни прочтут меня, а Отелло остался и останется прототипом всех ревнивцев. Оно и понятно: если о ревности только то и известно, что она – таракан с зелеными глазами, то почему же и геморроидальному чиновнику не быть благородным венецианским мавром, а Отелло – ревнивцем.

II

– А Отелло и в самом деле не ревнив. Он доверчив.

Бедному Яго пришлось не мало сил потратить, чтобы раскачать его голубиную кротость.

Для людей, подобных Отелло, ревность в чистом виде – невозможна. Отелло верит своей Дездемоне, он обожает ее, молится ее красоте и чистоте, благоговеет перед нею. Дездемона – его святыня, храм и божество. А разве можно ревновать своё божество, Бога своего?

Отелло убил Дездемону, во-первых, потому, что так сложились обстоятельства и улики были слишком подавляющи. Он не приревновал, он поверил уликам и Бога, его обманувшего, поверг и растоптал. Не мог он не убить, ибо падение Дездемоны, в которое, хотя бы и ошибочно, он поверил, было крушением всей его веры, крушением святыни и, следовательно, всего смысла его жизни!.. Если Дездемона пала, то, значит, и все пало! Нет правды, любви и Бога, все кончено. За поругание храма моего мщу, Бога, меня убившего, убиваю...

Какой это ревнивец!..

Ревнивец прежде всего женщину не обожает. Не видит он в ней ни чистоты, ни святости... Напротив, женщина для него есть нечто до того греховное, подлое, развратное; лживое, похотливое, грязное, что ей нельзя ни на минуту по-

верить, нельзя ее ни на секунду выпустить из глаз, а иначе – изменит, надругается, в грязь шлепнется, как последняя тварь!..

В том-то и ужас ревнивца, что ни одной минуточки не может он быть спокоен. Ему женщина представляется чем-то вроде обнаженного нерва похоти, существом столь грязным и развратным, что она готова отдаться всем и каждому, встречному и поперечному, глупо, бесцельно, грязно, как собака... Отдаться первому ее пожелавшему, чуть ли не лакею своему.

Для ревнивца не нужен Яго, не нужны улики. Он сам себе Яго, сам во тьме ночной нашептывает себе ужасные вещи, сам с мучительным наслаждением роется в мерзости, сам рисует картины изумительные!.. Он вскакивает ночью, следит, подслушивает, подсматривает, тревожно подмечая каждую ее улыбку, каждый взгляд, случайно брошенный другому.

Зачем ему улики?.. Он сам их сочиняет, сам выдумывает. Ему не платок Дездемоны, не подсмотренный поцелуй руки, ему достаточно, что она сегодня слишком оживленна, что ей доставляет удовольствие болтать с кем-нибудь, что где-то она лишних пять минуток задержалась, что с ним холодна, что слишком ласкова!.. В каждом жесте, в румянце, в непонятном смехе, в каждой части ее тела видит он улики против ее грязного, подлого существа, готового на всякую мерзость.

Ибо для ревнивца женщина не храм, а публичный дом, не святыня, а грязная самка!..

Какой же это Отелло!..

III

– И вот что странно: если так, если женщина – воплощенная похоть, грязь, ложь и подлость, то зачем же и ревность, из-за чего так мучиться, для кого?..

Отелло убил Дездемону... так ведь он боготворил ее, эта женщина была для него все... А чего страдать, что подлое, грязное животное – подло и грязно?.. Отойди от нее, вот и все... Это вы правильно заметили.

Но вот не уходят, мучатся, убивают, унижаются до последнего края... Почему?.. Потому, что таракан с зелеными глазами?.. Ради прекрасных глаз таракана?

Я, конечно, не хочу тут, на месте, дать вам ответ на этот вопрос. Я хочу только наметить некоторый ряд мыслей и наблюдений. Вам не скучно?

– Нет, пожалуйста... – возразил я, с удивлением глядя на темный румянец оживления и блестящие глаза моего знакомого.

«А, должно быть, ты сам порядочный ревнивец и что-то такое было с тобою!» – подумал я.

– Да, чудовище с зелеными глазами это уже некоторая мистическая сущность... в лучшем случае какое-то шестое чувство!.. Я же думаю, что ревность есть смешение двух довольно-таки прозаических элементов – самолюбия и сладострастия!.. Это вы правильно давеча про монастырь замети-

ли.

Прежде всего – самолюбие!.. Его страдания велики и способны довести до преступления. И в том, что они таковы, виноваты прежде всего общество, а потом одна черта женского характера.

Отношение общества к факту супружеской измены вообще странно и малопонятно. Во-первых, почему-то считается чрезвычайно подлым и грязным вмешаться в отношения мужа и жены, открыть глаза обманутому.

Если мы видим, что наш ближний, или даже самый дальний, идет по улице, где за углом его подстерегает убийца, мы бросаемся защищать, кричим, предостерегаем. А если мы видим, что человека обманывает жена, что воруют его счастье, его любовь и веру, убивают то, что ему дороже жизни во сто крат, мы стыдливо молчим... Не наше, мол, дело...

И даже не молчим. То есть при нем мы молчим, а за глаза мы хихикаем и издеваемся. Может быть, даже покровительствуем обману.

Странное дело: обманутая жена – всегда объект сочувствия; измена мужа не позор для нее, а несчастье; мы жалеем ее, утешаем, все друзья приложат старания, чтобы вернуть заблудшего на лоно супружеское.

Обманутый же муж – рогоносец, смешное и глупое существо, объект для острот и карикатур, чуть ли не идиот и пошляк... Ему нет сочувствия, нет жалости и сострадания...

И каждый муж знает это, и у каждого мужа, если он что-

либо подозревает, самолюбие страдает нестерпимо. Он сам себе, и это ужаснее всего, кажется смешным, униженным и оплеванным... Отсюда до преступления рукой подать, ибо человек, потерявший уважение к себе, уже вне человеческих норм.

А почему я упомянул о некоей женской черте?.. Потому, что есть-таки в женщине одна ужасно омерзительная черта.

Это – ложь... Особая половая ложь. В одной области женщина лжива так, как мужчина не может быть лжив: мужчина лжет только словами, женщина – всем существом своим. Сама природа устроила так, что если мужчина изменит, то непременно охладает... Утомленный тайными ласками, холодный и равнодушный, приходит он к жене и уже одним телом своим выдает себя. Мужская измена никогда не остается в тайне... Только круглая дура не почувствует ее. Мужчина если изменит, то непременно и провретса самым жесточайшим образом.

Женщина изменит – об этом никто, кроме Бога, не догадывается, если она сама не захочет, чтобы об этом знали. Она будет лгать каждой черточкой своего тела. Что – слова?.. Словам никто не верит... Но женщина лжет телом: именно с чужой постели придет она особенно ласковая, страстная, иступленная... Должно быть, сладость греха, сладострастие обмана особенно разжигают ее... Тело же устроено так, что симулировать страсть, даже при полном охлаждении, ей ничего не стоит.

Мужчина, если его припереть к стене, всегда и неукоснительно сознается в своей вине. Махнет рукой и очертя голову принесет повинную во всем.

Женщина никогда... Она и умрет, не скажет... Вы будете ее душить, убивать, терзать – не скажет... А скажет, и сейчас же отпрется, как только вы ее выпустите: я пошутила, я обозлилась, ты меня мучил... И никогда не узнает правды муж и будет ходить, подозревая, что со всех сторон на него пальцами показывают, что за спиной его хихикают, что дети его – не его дети.

Да, кстати... вот еще ужас: дети... Дети мужа всегда же – дети жены. Если не жены, то не принесет же их к ней и не скажет: ты родила... Дети же жены... чьи они?.. А если есть хоть крошечное, хоть самое крошечное сомнение, что тогда?.. Ведь детям мы отдаем свою жизнь, кровь и пот свой... до самого гроба мы дрожим над ними, плачем их горем, радуемся их радостью, гордимся их славой... И вдруг... а если не мои?.. Если вся жизнь, любовь, кровь и пот мои пошли на чужих выкидышей?.. Не в том дело, что «чужих», а в том, что это дети твоего подлейшего унижения...

Да, вот так...

IV

Луна поднялась высоко над черными кипарисами. Ресторан пустел. Свечи в стеклянных колпаках мигали под роями налетевших бабочек, сотнями усыпавших землю между столами. В нашем уголке было совсем пусто. Лакеи, которым надоело следить за ничего не заказывавшими господами, куда-то исчезли. Мы сидели друг против друга, так что свет свечи немного мешал рассмотреть выражение лица собеседника, и с жутким чувством, подавленный массой мыслей, пришедших под этот иступленный голос, я слушал, не перебивая ни одним словом.

– Да, – продолжал он, – относительно этой женской лжи припомнился мне сейчас случай, рассказанный мне одним человеком, некоим грузинским князем из интеллигентных... Этот князь убил свою жену из ревности, застав ее почти на месте преступления... Мог бы и на месте застать, я думаю, вышло бы то же... только разве не так скверно и бессмысленно, ибо убил бы на месте сразу, без всей этой муки...

Видите ли, этого князя, по суду, кстати, оправданного, ибо убил он из ревности весьма обоснованной, когда я его узнал, мучило уже не то, что жена изменила, и не то, что убил... Время все стирает. Прошли года, убитая давно истлела в могиле, то тело ее, из-за которого было столько страданий, обратилось в прах, и, кажется, он даже уже не мог отчетли-

во вспомнить ее лица, фигуры, голоса... но осталась страшная, неразрешимая загадка: изменила ли?.. Не напрасно ли убил?.. Не убил ли, вместо изменницы, чистую, любящую, ни в чем не повинную?.. Не убил ли вместо своего позора свое счастье?..

Вот что его мучило и заставило состариться в тридцать шесть лет... А мучился он ужасно, это я видел по дрожавшему голосу, по воспаленным глазам, все еще пытливо, до сих пор с мучительным вопросом, устремленным на меня, случайного собеседника. Это через столько-то лет.

А было это так: за его женой, которую он страшно любил, ухаживал какой-то офицер, кажется, тоже из восточных чело­веков, красавец из тех, о которых каждая, себя уважающая женщина, должна говорить с презрительным лицом: «Мне такие расписные красавцы не нравятся...»

И каждая в тайне своего тела, хоть на одно мгновение, за­держит этакое темненькое ощущение... полумысль, полужелание: «А интересно бы...»

Этот офицер давно ухаживал за его женой... Даже очень явно домогался... Но князь не был ревнив и только добро­душно подсмеивался. Верил жене и любовь к ней имел крепкую. Она кокетничала... Ведь это тоже женская подлая черта: мужчина если ухаживает, то с определенной целью обла­дания... значит, женщина ему нравится... женщина же кокетничает, дразнит воображение, разжигает чувственность мужчины даже тогда, когда ей вовсе этого и не нужно. Ей

просто нравится, что ее «хотят»... Ну вот, кокетничала и эта... Но кокетничала равно со всеми. Кавалеров у нее было много, потому что она была очень красива и пикантна.

В это время жили они в каком-то кавказском курорте, кажется, в Кисловодске... Ей было весело, забавно, была она особенно оживленна и оттого интереснее вдвое. А муж-князь увлекался ею еще больше. Может быть, ему даже и приходило в голову, что ее оживленность и страстность именно оттого так и обаятельны, что дразнит ее общество влюбленных, настойчиво домогающихся ее тела мужчин... Может быть, немножко было ему и неприятно это, унизительно, но зато как она была хороша, как страстна...

Потом они уехали в родной город. И вот тут-то муж случайно нашел у нее письмо того офицера, с самым пылким объяснением в любви и на «ты».

Его как громом поразило. Но с невиннейшим лицом она ответила, что вовсе не виновата в том, что этот дурак в нее влюбился, что он ей совершенно не нужен, а что письмо на «ты» просто для пущей убедительности, нечто вроде поэтического пафоса...

И князь поверил...

Потом, не скоро, получена была телеграмма от офицера. Опять на «ты» и «твой» подписана...

И снова объятия, поцелуи, страстные уверения в любви.

«Неужели ты думаешь, что я могу тебе изменить с таким идиотом? Неужели ты можешь ставить себя наравне с ним?»

Я, когда слушал рассказ князя, думал, что это самая обычная женская система – действовать на самолюбие.

Ну а «ты», «твой» – это потому, что как-то, шутя, в горах, на пикнике, конечно, при всех, они выпили брудершафт... Это было, конечно, глупо, и она теперь в этом жестоко раскаивается... Впрочем, она даже и забыла это на другой же день, а этот, влюбленный идиот...

И она опять была страстна и любяща как никогда, и опять поверил несчастный грузинский князь.

Но рана была нанесена, вера пала, и дальнейшее было уже одно сплошное страдание.

Однажды сама жена сказала ему, что встретила на улице того офицера, который за ней ухаживал в горах, говорила с ним и просила оставить ее в покое.

«Можешь себе представить, – сказала она со смехом, не то презрительным, не то польщенным, – этот дурак приехал исключительно для меня. Но я с ним не буду видеться, можешь быть спокоен... Он, в конце концов, становится нахален в надоед мне...»

Опять поверил. Но случилось так, что она пришла поздно, не зная, что муж дома уже давно, и сказала, что вышла только на четверть часа пройтись. Была же опять слишком оживленна и ласкова. И князь не поверил. Именно в этой чрезмерной ласковости почувствовал он, наученный уже ревновать, что-то скверное. Началась сцена, он таки добился признания, что она виделась с этим офицером и даже гуляла с

ним, но она будто бы все время говорила с ним только о том, чтобы он оставил ее в покое, и даже угрожала пожаловаться мужу. Князь вскипел и хотел лететь к офицеру, но она удерживала его: «Неужели ты хочешь, чтобы он подумал, что ты можешь меня к нему ревновать?.. Ты этим унизишь и меня, и себя».

Не сказала же она ему сразу, что гуляла с офицером, потому будто бы, что знала, как это будет ему неприятно. А так как это в последний раз и все теперь кончено, то незачем было напрасно причинять ему беспокойство.

И опять поверил. Ласке, нежности, страсти, а больше всего своему ужасу перед изменой, поверил. Ибо если бы не поверил, то, значит, признал бы измену как факт, а это было слишком ужасно для него.

И наконец произошла катастрофа.

Жили они в отеле. Вернувшись как-то домой и отворив дверь (быстро, неслышно отворив, ибо уже был ревнивцем, следил, пользовался каждым, даже нелепым случаем, чтобы проверить), князь увидел жену свою в юбке и рубашке, сползшей с плеч, в объятиях офицера, покрывавшего поцелуями ее лицо, голые плечи, обнажившуюся грудь...

Была страшная, омерзительная сцена, драка отвратительная между двумя озверевшими мужчинами, в присутствии забившейся в угол полуобнаженной женщины. Сбежались лакеи...

Все это должно было кончиться дуэлью, но в ту же ночь

князь задушил свою жену.

Произошло это так... Когда офицер вылетел из комнаты, князь в первый раз в жизни избил жену, ибо был как сумасшедший и ничего не соображал... Она приняла побои без сопротивления, без крика, покорная и жалкая... Только плакала. А когда он устал и сидел в отчаянии, обхвативши голову руками, пришла и тихонько стала на колени... Сначала он оттолкнул ее, так что упала, а потом, не скоро, стал прислушиваться к тому, что она говорила.

А говорила эта женщина, что она ни в чем не виновата перед ним, что этот офицер нарочно выследил, когда его не будет дома, неожиданно ворвался в номер в то время, когда она перед зеркалом, полураздетая, убирала волосы, и, увидев ее полуголую, ошалел и кинулся целовать, только и всего.

И бедняк поверил в последний раз. С мукой, с презрением к самому себе, с ненавистью к ней, поверил. Ибо все-таки любил и было слишком ужасно не поверить.

Но в эту же ночь, после страстных ласк и полного, казалось, примирения, почувствовал, что не может верить, что мука сомнения уже навсегда в его душе, что этак можно поверить и застав в постели: изнасиловал, мол... И, чувствуя надрыв на всю жизнь, как утопающий цепляясь за соломинку, стал молить ее сказать ему правду. Он уже не думал о счастье и спокойствии, они навсегда ушли, ибо если бы и сказала «нет», то все равно уже не поверил бы... Сегодня и поверил бы, а завтра стал бы мучиться вновь. А молил уже,

чтобы сказала «да», потому что тогда было бы горе, ужас, но была бы правда, а самая ужасная правда теперь была бы для него легче неизвестности. Знай он правду, он переборол бы любовь, ушел бы, постарался бы найти в чем-нибудь забвение, а с неизвестностью должен был жить и любить, без веры, без уважения, презирая себя и ненавидя ее.

И тут она сначала отрицала, а потом сказала, что он так замучил ее, что... «Если тебе этого хочется, так – да...»

Он еще понял уклончивость ответа, вновь стал умолять, требовал правды, чувствуя, что не разберется уже ни в какой правде, плакал, головой о стену бился... И наконец стал сначала ей руки ломать, мучить, пытаться, а потом схватил за горло и стал душить, как гадину.

Пробудилась ли в ней животная ненависть к мучителю, но сказала она уже со злобой, глядя ему прямо в глаза темными звериными глазами: «Ну, да, да... изменила, смеялась над тобой, и не с ним одним... у меня было много любовников, и все это знали... один ты, идиот, ничего не видел... Я тебя презираю, ненавижу, ты мне надоел... Оставь меня...»

Это было слишком для измученного сердца. И веря, и не веря, запутавшись в хаотическом кошмаре, в гневе, в иступлении, он задушил ее, сам уже не помня когда и как...

Был он как безумный и опомнился только тогда, когда замерли последние судороги и лежал перед ним уже только истерзанный, обнаженный, страшный и жалкий труп.

Но правды так и не узнал.

Офицер тот вскоре уехал на войну, когда князь был еще в тюрьме, и назад не вернулся.

И вот сидел бедняк передо мною, иступленный, с нечеловеческой мукой в глазах, и спрашивал:

«Вы писатель, психолог, скажите: изменила ли она мне?.. Скажите».

Я ничего не мог ему сказать... Не знаю.

V

– Да, так вот... С этим грузинским князем я несколько отошел в сторону, хотя анекдот этот и весьма кстати... Но я говорил вам, что ревности как обособленного чувства нет, а есть сладострастие и самолюбие... Они сплетаются тесно и кроваво. Несладострастник ревновать не может: не может потому, что сам по себе голый факт измены просто убивает любовь и страсть не разжигает. Вы правильно сказали: женщина изменила, ушла, значит, не любит, значит, ей нужен другой, а не я, а потому и не надобна мне эта женщина. С горечью, с тяжким чувством потери, но отойду. А сладострастник не в состоянии уйти. Ибо, если и уйдет от нее, не уйдет от сладострастных представлений: и, не видя, будет видеть, нарисует себе картины ужасные, ее и соперника сплетет в чудовищные комбинации, их ласки будет чувствовать, как раскаленное железо, в собственном мозгу выносить видения невыносимые... Здесь уже бешенство... Сладострастник уже при малейшем подозрении представит себе до конца, как совершившееся... Простой взгляд в его раскаленном воображении превратится в наглое и бесстыдное ощупывание, улыбка – в тайный знак, смех – в истерику распаленной похоти... И уже с самого начала, прежде, нежели измена станет изменой, в голове его сплетется страшный кошмар, готовый при малейшем поводе разразиться безумием и кровью...

К нам подошел лакей и сказал, что ресторан закрывается. Действительно, я только сейчас заметил, что только за нашим столом горела свеча, столики были без скатертей, кучки лакеев, сбросивших фраки и странно превратившихся в обыкновенных людей, уходили с черного хода. Слышались их развязные лакейские голоса, смех...

– А, да, сейчас!.. Счет! – сказал мой знакомый.

Мы расплатились и, пока принесли счет, сидели молча, очевидно, каждый думая о том, что смутно и темно пробудилось в душах под влиянием этого разговора и пережитого ужаса. Почему-то мы избегали смотреть друг на друга. Это я вспомнил уже потом, и мне кажется теперь, что это было потому, что судьба не поставила нас на место этого несчастного грузинского князя или того безумца, которого держали за руки и били озверевшие изящные господа и нарядные дамы.

Потом мы одиноко шли по опустевшим, белым от лунного света улицам затихшего южного городка, смотрели на лунный столб, играющий и сверкающий в безграничном море, на черные силуэты сонно покачивающихся баркасов и на далекие звезды, тихо горящие над холодными горными вершинами.

– Да, – заговорил он не скоро, – вот почему, когда все возмущены этим убийством, кричат о пролитой крови, об отнятой молодой жизни, я не возмущаюсь и мне только... скверно на душе...

– Но ведь она объявила ему, что уже не любит его, что

любит другого... он не имел права ревновать и убивать! – нерешительно заметил я, чувствуя какой-то холод в душе и слабость своего возражения.

– Объявила... Да, но прежде чем объявила?... Оставьте... Тайны женской и мужской любви не раскроешь этим... О ней знают только двое – он и она. А здесь все на тайне, на мельчайших, постороннему даже не понятных, мелочах сплетено!.. Одну мелочь опусти, одно слово выдерни, и уже нельзя понять, и уже убийство бессмысленное кажется логичным, а неизбежное – бессмысленным самодурством... Но если ревность – не какое-то глупое чудовище с зелеными глазами, а тот кошмар, о котором мы говорили, то муки убийцы были ужасны, и осудить его может уж разве Бог один...

Мы распрощались, и я пошел дальше один.

Белели пустые улицы, чернели таинственные кипарисы, нудно и жарко кричали цикады, белая луна равнодушно стояла над спящим городом, и было мне так тоскливо, одиноко, таким беспомощным и маленьким чувствовал я себя, точно был брошен один в загадочную бесконечную пустоту, где дух мой носился, как пылинка, увлекаемая бесстрастным ветром вечности.